

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. Балацкий¹

ИМЭМО РАН (Москва, Россия)

Н. А. Екимова²

ИМЭМО РАН (Москва, Россия)

УДК: 314.1

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-11

**РОССИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ:
УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ**

Статья посвящена исследованию стоящей перед Россией задачи демографического роста, которая на фоне происходящей глобальной демографической трансформации принимает для страны экзистенциальное значение. Цель статьи состоит в рассмотрении специфики места России в мировой демографической и геополитической системе, а также вызовов и возможностей, порождаемых XXI в. Для решения поставленной цели в статье использован сценарный подход, позволяющий рассмотреть альтернативные демографические прогнозы для России и показать место страны в случае того и другого вариантов развития. Результаты показали, что инерционный сценарий приведет к тому, что в начале 2050-х гг. Россия переместится с нынешнего 9-го места международного демографического рейтинга на 15-е и тем самым утратит статус страны-гиганта и соответствующий ему международный авторитет. При реализации проактивного сценария на основе демографической экспансии населения Россия сможет с 9-го места международного демографического рейтинга перейти на 7-е и за счет этого заметно укрепить свои геополитические позиции. Демографический вызов для России усугубляется тем обстоятельством, что страны с большим населением рано или поздно становятся экономическими и технологическими лидерами, быстро преодолевая технологическое отставание от более развитых государств. В основе такого ускорения лежит обнаруженный авторами технологический парадокс, который состоит в противоречии между усредненными макроэкономическими показателями и стилизованными фактами на микро- и мезоуровне. Типичным проявлением указанного парадокса выступает пара Китай — США, которые достигли примерного технологического паритета на фоне кратного отставания Поднебесной по уровню душевого ВВП. Прикладные расчеты позволяют по-новому переосмыслить

¹ Балацкий Евгений Всеволодович — д.э.н., профессор, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, ИМЭМО РАН; e-mail: evealatsky@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-3371-2229.

² Екимова Наталья Александровна — к.э.н., доцент, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, ИМЭМО РАН; e-mail: n.ekimova@bk.ru, ORCID: 0000-0001-6873-7146.

© Балацкий Евгений Всеволодович, 2025

© Екимова Наталья Александровна, 2025

значение демографических преимуществ стран-гигантов, что долгое время отрицалось ортодоксальным положением о примате технологий над демографией. Обсуждается вопрос о целесообразности осуществления сверхусилий со стороны России для реализации сценария демографической экспансии.

Ключевые слова: вызовы, геополитика, демография, технологический макропарадокс, эффект масштаба.

Цитировать статью: Балацкий, Е. В., & Екимова, Н. А. (2025). Россия перед лицом демографических вызовов: угрозы и возможности. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 206–230. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-11>.

E. V. Balatsky

IMEMO (Moscow, Russia)

N. A. Ekimova

IMEMO (Moscow, Russia)

JEL: J11

RUSSIA FACING DEMOGRAPHIC CHALLENGES: THREATS AND OPPORTUNITIES

The paper addresses the issue of demographic growth facing Russia, which, against the background of the ongoing global demographic transformation, is assuming an existential importance for the country. The purpose of the article is to examine the specifics of Russia's place in the global demographic and geopolitical system, as well as the challenges and opportunities generated by the 21st century. To achieve this goal, the article uses a scenario approach that allows us to consider alternative demographic forecasts for Russia and show the country's place in the case of both development options. The results show that the inertial scenario will move Russia from the current 9th place in the international demographic ranking to the 15th in the early 2050s, thereby losing its status of a giant country with corresponding international prestige. Implementing a proactive scenario based on demographic expansion of the population, Russia will be able to move from 9th place in the international demographic ranking to 7th, thereby significantly strengthen its geopolitical position. The demographic challenge for Russia is compounded by the fact that countries with large populations sooner or later become economic and technological leaders, quickly overcoming the technological lag from more developed countries. This acceleration is based on the technological paradox discovered by the authors, which consists in a contradiction between averaged macroeconomic indicators and stylized facts at micro- and meso levels. A typical manifestation of this paradox is the China–USA pair, which has achieved approximate technological parity against the background of a multiple lag of China in terms of per capita GDP. Applied calculations make it possible to rethink the importance of demographic advantages of giant countries in a new way, which has long been denied by the orthodox position on the primacy of technology over demography. The findings emphasize the expediency of implementing super efforts on the part of Russia to implement the demographic expansion scenario.

Keywords: challenges, geopolitics, demography, technological macro paradox, scale effect.

Введение

В настоящее время происходит переформатирование мирового порядка в сторону ослабления позиций прежних лидеров — США и стран Европы. В этой ситуации Россия стремится отстоять свое место на геополитической арене и, может быть, даже усилить свои позиции, изрядно пошатнувшиеся за последние 35 лет. Однако происходящая глобальная трансформация имеет длительную предысторию неравномерного демографического роста в разных регионах и странах мира, что сегодня выходит на поверхность в форме не только демографических, но и экономико-технологических рокировок между разными государствами. Российская Федерация оказалась сильно затронута указанными процессами. Так, согласно данным Всемирного банка (*World Bank Group*), еще в 1960 г. СССР по численности населения занимал 3-е место в мире после Китая и Индии, а Россия в качестве республики (т.е. субгосударства) в составе Советского Союза фактически занимала 4-е место, пропуская вперед помимо двух названных стран только США. В 2000 г. Россия уже оказалась на 7-м месте в демографическом рейтинге, уступая Китаю, Индии, США, Индонезии, Пакистану и Бразилии. В 2023 г. она уже уступила позиции Бангладеш и Нигерии и оказалась на 9-м месте (WBG, 2025). Однако это отнюдь не предел — согласно демографическому прогнозу ООН, к 2054 г. Россия отстанет от Египта, Эфиопии, Танзании, Демократической Республики Конго и Мексики, оказавшись тем самым на 14-м месте международного демографического рейтинга (UN DESA, 2024).

Одновременно с демографическими рокировками происходит экономическое и технологическое усиление новых демографических стран-гигантов, а это создает угрозу того, что в долгосрочной перспективе Россия может утратить свое привилегированное место регионального лидера, а в мире возникнут альтернативные очаги экономической активности и станут новыми глобальными конкурентами страны. Параллельно будет происходить изменение позиций торговых партнеров России. Например, грядущий Закат Европы 2.0 чреват уменьшением роли европейских стран не только в мировой торговле, но и в торговом балансе Российской Федерации. Таким образом, главные очаги экономической и политической активности планеты подвергнутся кардинальным географическим изменениям, и Россия окажется в эпицентре этой трансформации. Происходящие геополитические рокировки накладываются на глобальный тренд исчерпания ресурсов планеты, что создает новые вызовы для России в плане безопасности. В этих условиях грядущее положение страны будет опре-

деляющим образом зависеть от решений политической элиты и умелого сочетания внутренних и внешних экономических трендов. В связи с этим цель статьи состоит в рассмотрении специфики места России в мировой демографической и геополитической системе, а также вызовов и возможностей, порождаемых XXI в. Реперная точка в сканировании будущего — 2054 г. Новизна авторского подхода заключается в опоре на демографические тренды и смежные с ними процессы при рассмотрении грядущего перестроения геополитического пространства планеты.

Глобальные экономические рокировки Север — Юг и Запад — Восток: обзор фактов и идей

Практически все исследования долгосрочных демографических трендов отмечают замедление темпов глобального роста населения до конца нынешнего столетия, когда численность мирового населения, достигнув своего пика, начнет уменьшаться. Об этом говорят отчеты таких исследовательских организаций, как: Отдел народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам Секретариата Организации Объединенных Наций (UN DESA, 2024), австрийский Центр демографии и человеческого капитала имени Витгенштейна (Lutz et al., 2014, 2018), американский Институт измерения показателей и оценки состояния здоровья (Vollset et al., 2020); с этим солидарны и отдельные авторские исследования (Kumar et al., 2020, Wanassi, Torres, 2023, Скляр, 2023; Захаров, 2023; Ясинский, 2024).

Указанные процессы будут происходить на фоне существенной региональной неравномерности, когда глобальный рост будет обеспечен за счет одних стран на фоне депопуляции других. Так, уже сейчас 95% прироста населения происходит за счет стран Глобального Юга, тогда как в 41 государстве Глобального Севера наблюдается сокращение численности населения; к 2050 г. прогнозируется их увеличение до 88 (Hofmann, 2023). Рост численности населения мира к 2050 г. прогнозируется за счет стран Африки (+85,6%), Азии (+13,9%), Латинской (+16,5%) и Северной (+15,2%) Америки; в европейских же странах ожидается сокращение численности населения (–5,1%), вызванное низкой рождаемостью, старением населения, социально-экономическими факторами и культурными трансформациями (Thomas, 2024; Рудакова, 2020).

Большинство авторов связывают столь ярко выраженную неравномерность с глобальным демографическим переходом, первую фазу которого, обозначающую переход смертности от традиционного типа к современному, прошли практически все страны мира, тогда как вторую, характеризующую переход рождаемости от традиционного типа к современному, пока преодолели только так называемые экономически развитые страны (Nath, 2020; Caldwell et al., 2006; Korotayev et al., 2006). В связи с этим

в развивающихся странах, которые еще достаточно далеки от завершения второй фазы демографического перехода, сохраняется высокая рождаемость, обуславливающая прирост населения (Зинькина, Коротаев, 2017; Коротаев и др., 2022).

Рассматривая грядущие демографические трансформации, аналитики отмечают роль миграционной составляющей в динамике роста ряда стран. В частности, согласно отчету Управления Конгресса США по бюджету (*Congressional Budget Office, CBO*), демографический рост в стране в ближайшие десятилетия будет обеспечиваться только за счет миграции; без нее с 2033 г. будет происходить сокращение численности населения США (*Congressional Budget Office, 2025*). Аналогичная ситуация сложилась и в странах Европы. Например, в Великобритании в 2023 г. наблюдался рекордный за последние 50 лет прирост населения. Однако этот прирост был обеспечен исключительно притоком мигрантов, поскольку за счет естественного прироста в указанный период произошло сокращение населения на 16,3 тыс. человек (*Office for National Statistics, 2025*). Приведенные факты указывают на то, что, несмотря на сопряженные с миграционными процессами проблемы, миграция в ближайшие годы останется одним из важных компонентов демографического вопроса для целого ряда стран. В сложившихся условиях политические системы управления миграцией должны будут оперативно реагировать на широкий спектр факторов и проблем, оказывающих прямое или косвенное воздействие на демографическую стратегию государств.

Существенным аспектом исследования демографического вопроса является его сопряженность с экономикой, институтами и культурой, характеризующаяся взаимным влиянием и взаимоувязкой демографических и социально-экономических трансформаций, на что указывает значительная часть проведенных исследований. При этом часть работ рассматривает демографические изменения как следствие социально-экономических трансформаций (Alam, Pörtner, 2018; Țarcă et al., 2022; Gallego, Lafortune, 2023), тогда как другая анализирует экономические сдвиги как последствия демографических трансформаций (Bloom, Kotschy, 2023; Cruz, Ahmed, 2018; Maitra, Ganguli, 2025; Dzhioev, Caberty, 2021). Сложный характер взаимосвязей между рассматриваемыми критериями обусловлен их взаимозависимостью и взаимообусловленностью, а выбор ракурса их рассмотрения определяется, как правило, целями проводимого исследования.

Тесную взаимосвязь между демографическими процессами и экономическим ростом демонстрируют страны Глобального Юга, доля ВВП которого уже превзошла долю ВВП крупнейших экономик мира: в 2023 г. доля Глобального Юга составила 45,4% против 44,3% экономики развитых стран. К 2028 г. *International Monetary Fund* прогнозирует увеличение доли Юга до 47,6% (Гоголюхина, Чирская, 2024). На фоне увеличения экономической активности Глобального Юга просматривается тенденция смещения вектора международного сотрудничества с направления

«Север — Юг» на направление «Юг — Юг», а также рост доли развивающихся стран в потоке прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Так, в 2020 г. развивающиеся страны вышли на устойчивый тренд превышения притока ПИИ над развитыми странами, достигнув к 2024 г. разрыва в 37,2 п.п.: по результатам 2023 г. доля ПИИ в развивающиеся страны составила 68,6%, тогда как аналогичный показатель развитых стран не превысил 31,4% (UNCTAD, 2025). При этом показательными примерами смещения вектора международного сотрудничества являются Малайзия и Индонезия, для которых доля инвесторов Глобального Юга составила 41 и 62% соответственно (Гоголюхина, Чирская, 2024).

Приведенные факты указывают на то, что Глобальный Юг с его колоссальным населением, богатством ресурсов и перспективами инвестиционных вложений становится важнейшим компонентом оси Север — Юг, которая становится одной из ключевых в формировании нового баланса Запад — Восток. На этом фоне происходит и смысловая трансформация понятий «развивающиеся страны» и «развитые страны», отражающих не столько соотношение уровней текущего развития, сколько потенциал роста, изменение геополитической конфигурации и вопросы безопасности (продовольственной, экономической, политической) (Vogdanov et al., 2024). Тем самым уже сейчас сформировалась новая ось противостояния, когда происходит смещение с координат Запад — Восток в плоскость Север — Юг.

Таким образом, переформатирование геополитического пространства идет полным ходом. И вектор текущих и грядущих трансформаций определен вполне четко — от диспозиции Запад — Восток к модели Север — Юг. Разворот этого вектора сопровождается вовлечением в глобальный круговорот демографического, экономического и технологического потенциала крупнейших стран мира. Россия в настоящий момент находится в эпицентре этих изменений и полностью зависит от того, насколько удачно она встроится в новую геоэкономическую конфигурацию.

Сценарии демографического роста в России

Россия занимает уникальное место в мировой демографической системе, что во многом и предопределяет ее нынешнее и будущее положение в мирохозяйственной системе. С одной стороны, Россия обладает огромной территорией, пригодной для жилья и даже для вполне комфортного проживания на ней местного населения. В этом отношении у России отсутствуют ограничения, характерные для большинства развитых и развивающихся стран. Достаточно указать, что ее плотность населения в разы меньше, чем у лидеров Северной Америки, в десятки раз меньше, чем у передовых европейских стран и в сотни раз меньше, нежели у рекордсменов Азии. Например, указанный показатель России по сравнению с США в 4 раза меньше, Франции — в 15 раз, Германии — в 28 раз,

Индии — в 52 раза, Бангладеш — в 142 раза (табл. 1). С другой стороны, Россия уже сегодня достигла достаточно высокого уровня жизни, который, как правило, уже не стимулирует быстрый рост населения. Например, согласно данным Всемирного банка на 2023 г., душевой ВВП России составляет порядка 65% от немецкого уровня и в 2,2 раза выше, чем в Бразилии, в 1,9 раза — в Китае, в 4,5 раза — в Индии, в 7,6 раза — в Пакистане. Таким образом, Россия обладает возможностями для мощного демографического роста, но не имеет для этого внутренних драйверов. Указанное обстоятельство создает большое число степеней свободы в будущей экономической динамике России, чего нет у большинства государств мира.

Таблица 1

Площадь территории и плотность населения стран мира, 2023 г.

Страна	Площадь, кв. км	Плотность, чел./кв. км
Россия	17 125 191	8,4
Европа		
Франция	547 030	124,9
Германия	357 385	233,1
Латинская Америка		
Бразилия	8 515 767	24,8
Мексика	1 972 550	65,8
Африка		
Нигерия	923 768	246,7
Эфиопия	1 127 127	114,2
Египет	1 001 450	114,3
Демократическая Республика Конго	2 345 410	45,1
Танзания	948 087	70,2
Азия		
Китай	9 598 962	147,0
Индия	3 287 263	437,5
Япония	377 835	329,5
Индонезия	1 904 556	147,6
Пакистан	803 940	307,9
Бангладеш	144 000	1190,7
Филиппины	300 000	383,0
Прочие страны		
США	9 833 517	34,1

Источник: составлено авторами по данным World Bank Group.

Подчеркнем главный тезис, от которого следует отталкиваться в последующем анализе: *Россия обладает рекордной по мировым стандартам демографической вариабельностью*. Это означает, что та реальная траектория развития, по которой пойдет страна в ближайшие десятилетия, в определяющей степени зависит от политики властей. Тем самым *в отношении демографического и экономического положения Российской Федерации имеется большая неопределенность, что и порождает глобальную политическую интригу*.

Сказанное делает целесообразным и оправданным рассмотрение долгосрочных перспектив России в разрезе нескольких сценариев, которые максимально выпукло высветят как угрозы, встающие перед страной, так и ее возможности для отстаивания своего места в новом мировом порядке. Для этого рассмотрим три демографических прогноза. Первый (консервативный) — оценки ООН на основе когортно-компонентного метода; второй (инерционный) — авторские оценки, полученные на основе гибридной (линейной и экспоненциальной) экстраполяции, методические аспекты которой рассмотрены в (Балацкий, Екимова, 2025); третий (проактивный) — целевые оценки, заданные политическим курсом российского руководства и проверенные с помощью трехшаговой эконометрической модели (Екимова, 2025).

Первый (консервативный) сценарий опирается на расчет демографического баланса с учетом трех составляющих динамики населения (рождаемости, смертности и международной миграции) и является крайне нежелательным для России, ибо в этом случае страна идет по пути активного демографического коллапса. Второй (инерционный) сценарий основан на простой экстраполяции прошлых тенденций, но дает более медленную депопуляцию населения страны и, следовательно, является ослабленным негативным вариантом развития событий. Третий (проактивный) сценарий предполагает мощную демографическую экспансию России, что превратит ее в одно из самых мощных государств мира в грядущие 30–50 лет. Последний сценарий требует определенных комментариев.

Дело в том, что впервые вопрос о подобной экспансии со стороны России был поставлен в (Балацкий, Екимова, 2023), где на основе использования эконометрической модели была обоснована сама возможность удвоения численности населения страны за разумный период времени. Позже аналогичные модели демографической динамики были построены для 15 стран мира и тем самым была подтверждена универсальность самого механизма роста населения (Balatsky, Ekimova, 2023). Данные макроэкономические построения и расчеты тесным образом перекликаются с демографической программой Либерально-демократической партии России (ЛДПР), председатель которой — Леонид Слуцкий — призвал в 2023 г. удвоить население России за ближайшие 50 лет; с этого времени демографическая повестка становится центральной в политическом дискурсе

властей страны. Спустя некоторое время построенная эконометрическая модель была модифицирована и усовершенствована, но и она также подтвердила реалистичность амбициозной цели России по достижению численности населения в 290–300 млн человек за срок в 50 лет (Екимова, 2025). Полученные при этом макроэкономические показатели, которые обеспечивают достижение целевого значения населения, вне всякого сомнения, являются напряженными, но отнюдь не нереалистичными.

Таким образом, Россия находится в состоянии своеобразной демографической бифуркации — между разнонаправленными траекториями депопуляции и экспансии. В зависимости от того, по какой развилке пойдет страна, будет определяться ее место в глобальной мирохозяйственной системе. Первые два сценария — консервативный и инерционный — предполагают существенную потерю международного статуса России, тогда как третий — проактивный — позволяет укрепить положение государства на международной арене. Тем самым угрозы и возможности для страны, идущие со стороны демографического вызова, в целом понятны, однако их масштаб определить довольно трудно; этот пробел и позволяют заполнить рассмотренные три сценария.

Не останавливаясь на технических аспектах прогнозных расчетов, укажем лишь, что для них использовались статистические данные банка данных World Bank Group; методические нюансы оценивания более подробно рассмотрены в работе (Балацкий, Екимова, 2025). Относительно проактивного сценария следует отметить, что он синхронизирован с предыдущими двумя сценариями по финишной точке — 2054 г. Однако заявленный результат более реалистично получить к 2070 г. Тем не менее это означает лишь то, что сценарий развития с более быстрым достижением целевого показателя означает более напряженный вариант развития для страны.

Следует особо подчеркнуть, что все прогнозные оценки носят порядковый характер, т.е. направлены на уяснение принципиальной диспозиции стран во второй половине XXI в. Вполне вероятное отклонение фактических данных от прогнозных, скорее всего, не повлияет на изменение качественных выводов.

Перспективы демографического роста в России: инерционный сценарий

В табл. 2 приведены два варианта прогноза: первый (консервативный), основанный на оценках ООН, и второй (инерционный), воспроизводящий авторские оценки; для удобства выделены географические регионы. Приведенные данные позволяют предметно уяснить те геополитические риски и угрозы, с которыми Россией столкнется в случае сохранения негативного демографического тренда к депопуляции своего населения. Рассмотрим будущую диспозицию более предметно.

Таблица 2

Численность населения стран мира (ретроспектива и прогноз), млн чел.

Страна	1960	2000	2023	2054 (прогноз)	
				Консервативный сценарий (ООН)	Инерционный сценарий
Россия	119,9	146,6	143,8	135,2	140,1
Латинская Америка					
Бразилия	72,4 (60,4)*	174,0 (118,7)	211,1 (146,8)	215,7 (159,5)	267,5 (191,0)
Мексика	36,7 (30,6)	98,6 (67,3)	129,7 (90,2)	149,6 (110,7)	179,6 (128,3)
Африка					
Нигерия	45,1 (37,6)	126,4 (86,2)	227,9 (158,5)	374,1 (276,7)	300,0 (214,2)
Эфиопия	21,4 (17,8)	67,4 (46,0)	128,7 (89,5)	237,8 (175,9)	259,5 (185,3)
Египет	26,9 (22,4)	73,1 (49,9)	114,5 (79,6)	166,5 (123,2)	190,0 (135,6)
Демократическая Республика Конго	15,3 (12,8)	50,5 (34,4)	105,8 (73,6)	235,1 (173,9)	233,5 (166,7)
Танзания	9,9 (8,3)	34,3 (23,4)	66,6 (46,3)	139,0 (102,8)	136,5 (97,5)
Азия					
Китай	667,1 (556,4)	1262,6 (861,3)	1410,7 (981,0)	1221,0 (903,1)	1624,2 (1159,6)
Индия	436,0 (363,6)	1057,9 (721,6)	1438,1 (1000,0)	1690,9 (1250,7)	1800,0 (1285,1)
Индонезия	88,3 (73,6)	216,1 (147,4)	281,2 (195,5)	322,0 (238,2)	385,0 (274,9)
Пакистан	45,7 (38,1)	154,9 (105,6)	247,5 (172,1)	387,3 (286,5)	300,0 (214,2)
Бангладеш	51,8 (43,2)	134,5 (91,8)	171,5 (119,2)	218,2 (161,4)	200,0 (142,8)
Филиппины	27,9 (23,3)	79,6 (54,3)	114,9 (79,9)	135,0 (99,9)	125,0 (89,2)
Прочие страны					
США	180,7 (150,7)	282,2 (192,5)	334,9 (232,9)	383,8 (283,9)	413,9 (295,5)

* В скобках приведены значения страны по отношению к аналогичному показателю России в этот же год.

Источник: составлено авторами по данным World Bank Group и ООН.

Отказ России от масштабных демографических реформ приведет к тому, что на территории Латинской Америки появится еще одно государство, превосходящее Россию по численности населения — Мексика. Одновременно с этим заметно возрастет демографическое преимущество Бразилии. Тем самым в регионе окажется два крупных государства, которые будут выступать в качестве альтернативных России ареалов экономической активности.

Африканский континент предполагает более радикальное переформатирование нынешней диспозиции. Нигерия очень заметно укрепит свое демографическое преимущество над Россией, а еще 4 страны — Эфиопия, Египет, Конго и Танзания — превзойдут северную державу. Небольшой комментарий заслуживает Танзания, которая по консервативному сценарию обгонит Россию, а по инерционному — не успеет догнать. Однако усредненные оценки по двум сценариям оказываются в пользу Танзании. Тем не менее этот момент можно считать непринципиальным, так как в любом случае сохраняющийся тренд приведет к доминированию Танзании, но только с отсрочкой в 3–5 лет, что и позволяет говорить об объективности предпочтения в пользу африканского государства. Следовательно, в начале второй половины XXI в. в Африке будет 5 государств с населением больше, чем у России.

Азия к настоящему моменту уже в основном реализовала свой демографический потенциал, а потому к середине 2050-х гг. она даст всего одну страну, которая превзойдет Россию по численности населения — Филиппины. Для этой страны ситуация во многом напоминает случай с Танзией: согласно консервативному сценарию, Филиппины практически сравняются с Россией, а согласно инерционному — будут еще немного отставать от нее. Однако, как и с Танзией, пролонгация действующего тренда приведет к тому, что через 5–10 лет преимущество островного государства все равно станет неоспоримым.

Таким образом, в трех частях света — Азии, Африке и Латинской Америке — появятся страны крупнее России. Следовательно, в каждой из частей света у России появятся новые экономические конкуренты, которые рано или поздно начнут перетягивать на себя внимание мировой политики и глобального бизнеса. Общий итог от действия инерционных демографических трендов для России будет таков: с нынешнего 9-го места в международном демографическом рейтинге страна к середине 2050-х гг. опустится на 15-е место. И это тот глобальный вызов, перед которым сегодня стоит Россия.

Перспективы демографического роста в России: проактивный сценарий

Негативный прогноз для России радикально меняется при реализации проактивного сценария (табл. 3). В этом случае Россия выходит на такой

уровень численности населения, что отрывается от своих ближайших конкурентов и сохраняет свое место в качестве одной из самых крупных держав мира. Для этого достаточно указать, что при реализации демографической экспансии Россия может даже улучшить свое нынешнее положение, перейдя с 9-го места на 7-е и тем самым отодвинув 8 активных государств-конкурентов (сравнение данных табл. 2 и 3).

Таблица 3

**Численность населения России (ретроспектива и прогноз),
млн чел.**

Показатель	1960	2000	2023	2054 (прогноз)		
				Консервативный сценарий (ООН)	Авторская оценка	
					Инерционный сценарий	Проактивный сценарий (2054–2070)
Численность населения, млн чел.	119,9	146,6	143,8	135,2	140,1	290,0
ВВП, млрд долл. США	-	2977,3	5815,9	13 831,5	14 329,6	51 408,9
Душевой ВВП, долл./чел	-	20 309,3	40 437,0	102 304,0	102 304,0	177 272,0

Источник: составлено авторами по данным World Bank Group и ООН.

Проактивный сценарий нуждается в некоторых дополнительных характеристиках. Во-первых, рост населения в проактивном сценарии по сравнению с худшим — консервативным — сценарием составит 2,14 раза, что показывает колоссальный разрыв между двумя траекториями развития страны. Во-вторых, реализация проактивного сценария потребует грандиозных социальных реформ внутри страны с радикальным переформатированием модели социального успеха рядового гражданина и очень серьезной экономической мобилизации, которая обеспечит требуемый сдвиг в уровне благосостояния населения.

Сказанное позволяет понять масштабы выигрыша от перелома негативного демографического тренда и масштабы усилий по достижению этого результата. На вскидку, игра стоит свеч, однако для лучшего понимания ситуации рассмотрим данные табл. 4.

**Распределение стран мира по демографическому критерию
(ретроспектива и прогноз)**

Группа стран	Критерий отнесения	Состав группы стран	
		1960	2054
Страны-гиганты	Первая десятка стран демографического рейтинга	<p>Китай, Индия, США, СССР/Россия (4), Индонезия, Япония, Германия, Великобритания, Бразилия, Бангладеш</p>	<p>Проактивный сценарий Индия, Китай, США, Индонезия, Нигерия, Пакистан, Россия (7), Бразилия, Эфиопия, Дем. Респ. Конго</p>
Крупные страны	Вторая десятка стран демографического рейтинга	<p>Италия, Франция, Испания, Польша, Пакистан, Нигерия, Мексика, Вьетнам, Турция, Филиппины</p>	<p>Бангладеш, Египет, Мексика, Танзания, Иран, Филиппины, Япония, Турция, Вьетнам</p>
Средние и мелкие	Прочие страны	<p>Египет, Таиланд, Южная Корея, Мьянма, Иран, Турция и проч.</p>	<p>Кения, Германия, Франция, Великобритания, ЮАР, Таиланд, Колумбия, Мьянма и проч.</p>

Источник: составлено авторами.

Совмещая данные табл. 4 с предыдущими оценками, получим следующую картину. Еще в начале второй половины XX в. Россия занимала условное 4-е место (в составе СССР) в международном демографическом рейтинге и была во главе списка государств-гигантов. После распада СССР и последовавших за этим событий страна к настоящему времени заняла 9-е место, по сути, замыкая список государств-гигантов и став претендентом на выбытие из этой привилегированной группы. В случае сохранения предыдущего демографического тренда страна рискует к началу второй половины XXI в. оказаться на 15-м месте международного демографического рейтинга и тем самым сдвинуться в середину группы крупных стран, само пребывание в разряде которых уже означает колоссальное падение международного престижа государства. Тем самым ближайшие три десятилетия при сохранении Россией своего нынешнего демографического статус-кво способны качественно ухудшить ее геополитические и геоэкономические позиции. Проактивный сценарий, наоборот, способен вернуть страну с нынешнего 9-го места на 7-е и тем самым надолго сохранить за ней место среди стран-гигантов, определяющих геополитическую повестку планеты. Схематично символическое движение России в глобальной международной диспозиции показано в табл. 4 более темными квадрантами.

Подводя итог сказанному, можно констатировать следующее: в зависимости от траектории демографического роста Россия имеет два варианта будущего — сохранение и усиление геополитических позиций в многополюсной конфигурации мирохозяйственной системы или потеря доминантного положения в мире и регионе со всеми вытекающими отсюда следствиями. Ситуация обостряется наличием стран, которые в будущем будут стремиться приблизиться к России по численности населения и тем самым создавать дополнительный страновой «навес» в сфере глобальной экономической конкуренции.

Технологический парадокс и угрозы для России в качественном измерении

Выше была обрисована грядущая негативная демографическая диспозиция, в которой позиции России заметно ухудшаются. Однако здесь может быть высказан *главный контраргумент* в отношении будущей геоэкономической конфигурации, суть которого состоит в следующем. Страны, ставшие демографическими гигантами, сегодня настолько сильно отстают в технологическом отношении от России, что и через 30 лет они не смогут не только полностью, но и сколь-либо существенно сократить свое технологическое отставание от нее. Следовательно, они не представляют той опасности для России, которые вытекают из их демографического потенциала. Однако, как это будет показано ниже, данный контраргумент

несет в себе серьезные логические изъяны и генерирует ошибочные политические решения.

Дело в том, что за демографией всегда следуют экономика и технологии. Это означает, что «молодые» страны-гиганты рано или поздно «подтянут» к масштабу своего населения масштаб производства, а потом и его технологическую и организационную эффективность. В этом случае демографические страны-лидеры превратятся в экономических и технологических лидеров. Однако в отличие от демографического роста спрогнозировать будущий уровень экономической и технологической активности стран крайне проблематично. Можно, например, продлевать тенденции роста относительного душевого ВВП разных государств (Балацкий, Екимова, 2025), однако, как правило, такие экстраполяции дают заниженные результаты. Это связано с определенными обстоятельствами, составляющими сущность глобального развития мирохозяйственной системы.

В работе (Балацкий, Екимова, 2025) было сформулировано простое правило развития любого государства:

Территория → Население → Производство → Инновации,

которое может быть выражено в эквивалентной форме как последовательность вида:

География → Демография → Экономика → Технологии.

Это означает, что развитие любого государства стартует с заселения искомой территории людьми, которые и должны осваивать имеющуюся в их распоряжении природную зону. Когда плотность населения достигает некоей критической отметки, начинается формирование развитого производства. В свою очередь достаточно обширное производство «запускает» эффект масштаба, в соответствии с которым чем больше производство, тем выше его эффективность (Балацкий, Екимова, 2025). Все эти процессы представляют собой чередование и переплетение фаз экстенсивного и интенсивного развития. Однако прогнозировать такие процессы почти невозможно из-за того, что нам не известно, при какой критической величине в той или иной стране «стартует» эффект масштаба. Это зависит от всей совокупности цивилизационных факторов государства — исторических событий, богатства природных ресурсов, ментальных особенностей населения, жесткости межстрановой конкуренции и т.п. Из-за этого некоторые государства могут быстрее переходить к стадии быстрого технологического прогресса, а некоторые — медленнее.

Важно отметить, что технологический прогресс предполагает два разноплановых механизма — диффузию (заимствование) технологических и организационных инноваций из-за рубежа и их самостоятельное создание (разработку) внутри страны. Если бы вслед за экстенсивным механизмом (диффузией) рано или поздно не вступал в действие интенсивный

механизм (разработка), то в геополитической системе не происходило бы смены страны-лидера; в этом случае государство, добившееся гегемонии, навсегда оставалось бы в привилегированном положении.

Для иллюстрации проблем с прогнозированием ВВП достаточно сравнить прогнозы компании PricewaterhouseCoopers (PwC, 2017) и авторские оценки (Балацкий, Екимова, 2025). Сопоставления показывают, что в первом случае к середине века Бразилия по объему ВВП опередит Россию, то во втором — наоборот, продолжит отставать. Однако нельзя не отметить и общее для обоих прогнозов — все страны, ставшие демографическими гигантами, оказываются среди лидеров по объему ВВП.

Следует отметить, что почти все прогнозы объемов ВВП по странам грешат избыточной консервативностью. Это связано с системной недооценкой фактора будущего технологического уровня развивающихся стран. Аналитики априори полагают, что нынешним технологическим аутсайдерам не удастся в кратчайшие сроки преодолеть свое отставание от нынешних технологических лидеров. Однако этот тезис в ряде случаев оказывается принципиально ошибочным и порождает сильно искаженное представление о будущем нашего мира. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Дело в том, что консервативная позиция в отношении способности развивающихся стран догнать развитые базируется на сравнении уровней их душевого ВВП, которые могут кратно различаться и этот технологический разрыв не преодолевается в сжатые сроки. Тем не менее сегодня имеются яркие микро- и мезопримеры, противоречащие данному умозаключению. Так, в 2024 г. британский журнал *Economist* опубликовал обзор научно-исследовательской работы в Китае, в котором констатировалось, что из 14 главных направлений исследований, определяющих передовую технологическую повестку современности, в 8 (материаловедение, химия, машиностроение, информатика, экология, сельское хозяйство, физика, математика) Китай безоговорочно лидирует в мире (т.е. на китайских авторов приходилось более 50% всех лучших статей в мире в научных журналах, а лучшими считались те статьи, которые входили в 1% самых цитируемых). То есть более чем в половине всех ключевых сфер знания Китай уже не просто был мировым лидером, а совершал открытия и разработок больше, чем весь остальной мир, вместе взятый (Роров, 2025, р. 16). К сказанному можно добавить множество других показательных примеров: Китай сегодня имеет собственную систему глобальной навигации *BeiDou*, самый большой в мире телескоп *FAST* (сферический телескоп с пятисотметровой апертурой) в провинции Гуйчжоу, свою собственную орбитальную станцию «Тяньгун», в 2024 г. доставил грунт с обратной стороны Луны, планирует до 2030 г. высадить на Луне астронавтов, а с 2031 г. начать строительство научной лунной станции; разрабатывает свой широкофюзеляжный самолет *COMAC* — конкурент широкофюзеляжным

Boeing и *Airbus*; в 2024 г. такси без водителей уже разъезжали в Пекине, Чунцине, Шеньчжене и Ухани, а в провинции Сычуань в небо поднялся первый в мире беспилотный транспортный самолет; лидирует Поднебесная в производстве электромобилей, аккумуляторов, солнечных батарей, высокоскоростных поездов, в передаче электроэнергии на дальние расстояния и т.п. (Поров, 2025, р. 16–17). Уже сейчас по многим признакам Китай опередил США и продолжает укреплять свое лидерство. Достаточно указать, что на рынке производства солнечной энергии китайские компании почти полностью вытеснили американские фирмы не только у себя, но и на территории США (Толкачев, 2024). Однако все это технологическое чудо сочетается с тем неоспоримым фактом, что в 2023 г. душевой ВВП Китая был в 3,4 раза меньше, чем в США (здесь и далее данные Всемирного банка). Тогда резонно задать вопрос: как может страна с душевым ВВП в 29% от уровня США обогнать признанного мирового гегемона по большинству современных технологических направлений?

Тем самым имеет место парадокс, который здесь и далее будем называть *технологическим парадоксом*, сущность которого состоит в явном противоречии между усредненным технологическим макропоказателем (душевым ВВП) и мезо- и микроэкономическими фактами. Главное же в данном случае состоит в том, что, как оказывается, развивающееся государство (Китай), не ликвидировав разрыва в средних показателях эффективности производства, тем не менее, может добиться самых что ни на есть впечатляющих технологических успехов и достигнуть паритета или даже превосходства над развитым государством (США).

Как же можно объяснить обнаруженный технологический парадокс?

Объяснений здесь несколько, но, не отвлекаясь от основной темы, остановимся только на основном факторе — эффекте масштаба. Так, догоняющая страна с огромным населением может иметь менее прогрессивную технологическую структуру экономики (доля лиц, занятых в высокотехнологичных отраслях и производствах, в ней ниже, чем аналогичный показатель в развитых странах), но при этом численность занятых в топовых производствах в абсолютном выражении у нее больше, чем у развитых государств. Это означает, что при прочих равных условиях у развивающейся страны в высокотехнологичных секторах экономики имеется более значительный эффект масштаба, нежели у развитых стран. Чем больше работающих и чем масштабнее производство, тем больше разработок и вероятность новых технологических прорывов. Тем самым демографическое преимущество в топовых секторах экономики догоняющей страны способно «перевесить» прогрессивную структуру распределения кадров страны-лидера.

Простой мысленный эксперимент позволяет окончательно уяснить внешне парадоксальную диспозицию между США и Китаем. Так, если представить, что численность населения в Китае и США была бы одина-

ковой, то совершенно очевидно, что Китаю было бы нечего противопоставить нынешнему глобальному гегемону. Следовательно, именно демографический фактор был и остается главной силой Поднебесной.

Типичным проявлением технологического парадокса служит наличие ядерных программ в разных развивающихся странах, которые не преодолели минимального макробарьера. Например, Индия, которая уже давно стала членом Ядерного клуба, в настоящее время имеет душевой ВВП в 8,1 раза меньше, чем у США, а у Пакистана, также давно обзаведшегося ядерным оружием, это соотношение составляет 13,7 раза. На первый взгляд, разработка и создание ядерного вооружения в столь бедных и технологически отсталых странах кажутся невозможными, однако это бесспорный факт. Примечательно, что само наличие ядерной программы в стране поднимает ее экономику до уровня высокотехнологичной, однако даже по истечении длительного времени наличие высоких технологий в догоняющих странах остается локальным явлением, не распространяясь на все национальное производство. Подобных примеров можно привести множество.

Особо подчеркнем, что феномен технологического парадокса имеет широчайшую сферу распространения, а сам он может сохраняться на протяжении очень длительного времени для страны, которая уже давно стала технологическим лидером. Например, сегодняшний Китай тотально превосходит США по массовому технологическому обеспечению общественной жизни. Достаточно указать, что сами жители Поднебесной отмечают вопиющие странности между двумя странами: число бездомных на улицах Нью-Йорка огромно, тогда как в городе Нинбо недалеко от Шанхая с 10 млн жителей их вообще нет; в метро Нью-Йорка кондиционеров нет, а в Нинбо и других китайских городах они есть везде, автобусы американского мегаполиса шумят и выпускают выхлопы, а в Нинбо все автобусы электрические — бесшумные и экологически чистые; даже оплата товаров в китайских магазинах осуществляется телефонами, а не карточками, а пропуск даже в многоквартирных домах основан на распознавании лица (Роров, 2025, р. 15). Тем не менее усредненный показатель душевого ВВП генерирует совершенно иную картину.

Все сказанное ранее позволяет опровергнуть главный контраргумент в отношении будущей геоэкономической конфигурации. Это связано с несколькими выводами стратегического значения, вытекающими из предыдущего изложения.

Во-первых, как оказывается, сокращение технологической дистанции между странами иногда происходит поистине стремительно. Например, Китай по душевому ВВП в 2000 г. составлял лишь 7,2% от уровня США, однако через 20 с лишним лет это вопиющее отставание было преодолено в рамках технологического парадокса. Для сравнения: аналогичный показатель для Танзании по отношению к России сегодня составляет 8,7%

и нет никаких оснований думать, что африканское государство не способно сделать технологический рывок; даже если китайское чудо и не повторится, отставание может быть радикально уменьшено. Иными словами, иллюзия безмятежности довольно опасна для России, идущей по инерционному сценарию развития.

Во-вторых, как было показано, технологическое выравнивание между странами отнюдь не предполагает полного выравнивания их значений душевого ВВП. В этом смысле страна-гигант с кажущимся «безопасным» уровнем душевого ВВП может неожиданно оказаться серьезным экономическим конкурентом для России. Более того, само наличие технологического парадокса предполагает пересмотр базовых понятий — *развитых* и *развивающихся* стран. Как оказывается, технологические и социальные преимущества развивающихся государств над развитыми могут стать *визуально наблюдаемыми* (как, например, Китая над США), но академическая традиция отказывается пересматривать статус этих держав, апеллируя к уровню душевого ВВП. Фактически речь идет о том, что показатель душевого ВВП частично утратил свою релевантность и не может служить надежным индикатором текущего положения дел.

В-третьих, страна, попадающая в режим демографической стагнации и депопуляции, как правило, довольно быстро оказывается в технологической депрессии. Это правило хорошо видно на примере Японии и Южной Кореи, которые совершили свое экономическое чудо на траектории демографического роста, а теперь, попав в демографическую яму, теряют свои позиции — Япония уже достаточно давно, а Южная Корея относительно недавно. Отсутствие у этих стран большой территории ставит предел численности их населения, а это влечет экономический, технологический и культурный застой. Россия давно попала в ловушку демографической депрессии и, если в ближайшее время не выйдет из нее, то рискует оказаться в состоянии системного технологического кризиса. Северная Корея, которая всегда испытывала дефицит кадров, все-таки смогла реализовать ядерную программу, но нехватку людей компенсировала временем проекта, который длился с середины 1950-х гг. до примерно 2010 г. (примерно 50 лет). Китай, Индия и Пакистан, у которых был традиционный избыток кадров, ядерную программу реализовали гораздо раньше ядерных карликов — Северной Кореи и Израиля. Россия в перспективе может оказаться в состоянии Северной Кореи, когда масштабные технологические проекты она будет осуществлять с большим трудом и очень долго, что автоматически подорвет ее глобальную конкурентоспособность.

Эти опасности для России являются слишком серьезными и реальными, чтобы лишний раз переформатировать национальную стратегию демографического роста в сторону ее интенсификации, ибо вялый рост населения уже не спасет страну от новых агрессивных экономических конкурентов.

Угрозы для России в количественном измерении

Чтобы окончательно понять масштаб стоящих перед Россией проблем, следует количественно оценить некоторые эффекты. Прежде всего, вернемся к тому факту, что значительное преимущество в демографическом потенциале способно нейтрализовать отставание в технологическом развитии. Однако здесь есть свои ограничения. Например, по состоянию на 2023 г. Китай уступает США по уровню душевого ВВП в 3,37 раза, а по численности населения имеет превосходство в 4,21 раза. Если полагать, что сегодня между двумя странами наблюдается примерный технологический паритет, то можно говорить об эффекте компенсации нехватки технологического потенциала избытком демографического фактора. При этом замещение происходит не один к одному, а с некоторым перевесом в сторону демографического ресурса. Такое явление можно назвать *демографическим мультипликатором*, и его величина для Китая и США составляет 1,25 ($4,21/3,37 = 1,25$). Разумеется, эта цифра не является универсальной — для других стран и иных периодов она может быть совершенно иной или вообще отсутствовать. Однако для «прощупывания» численных закономерностей от этого индикатора можно оттолкнуться, чтобы понять примерный потенциал стран-конкурентов России.

Если Россия пойдет по инерционному сценарию развития, то ко второй половине XXI в. она окажется по населению в 1,91 раза меньше Бразилии. При подобном демографическом преимуществе Бразилии и при демографическом мультипликаторе в 1,25 это означает, что ей достаточно повысить отношение уровней душевого ВВП с Россией с нынешних 47,0 до 65,4% (+18,4 п.п.) ($1,25/1,91 = 0,65$) для того, чтобы достигнуть с ней технологического паритета. Эта цифра далека от запредельных, и велика вероятность, что подобный сценарий будет реализован. Учитывая, что речь идет о временном интервале примерно в 30 лет, Бразилии достаточно увеличивать относительный уровень душевого ВВП на 0,6 п.п. в год. Разумеется, эта цифра не так мала, учитывая, что Россия также будет наращивать производительность труда национального производства; фактически рост душевого ВВП Бразилии должен расти на 0,6 п.п. быстрее, чем аналогичный показатель России.

Аналогичным образом инерционный вариант развития событий приводит к тому, что ко второй половине XXI в. Индонезия станет в 2,75 раза больше России, а это означает, что ей достаточно довести относительный уровень душевого ВВП с нынешних 34,3 до 45,5% (+11,2 п.п.) ($1,25/2,75 = 0,45$) для достижения примерного технологического паритета с Россией. А этот сценарий является еще более вероятным — Индонезии необходимо увеличивать относительный уровень душевого ВВП на 0,37 п.п. в год.

Приведенные цифры показывают, что во всех регионах планеты уже имеются «молодые» государства-гиганты, готовые потеснить Россию

на международном Олимпе. Это лишь вопрос времени и, как было показано выше, времени весьма незначительного по историческим меркам. Сказанное лишний раз доказывает безальтернативность выбора России относительно проактивного сценария демографического роста.

Обнаруженный *технологический парадокс*, переосмысление явления *технологического паритета* и введение в рассмотрение понятия *демографического мультипликатора* имеет прямое отношение к проблеме идентификации так называемой *технологической границы*, под которой в данном случае понимается критическая величина относительной производительности труда страны (относительно страны-лидера — США), превышение которой делает выгодной разработку новых технологий внутри страны. Напомним, что последняя оценка технологической границы составила 71% (Balatsky, 2021). Однако, как было показано выше, избыток демографического фактора позволяет стране существенно понижать эту величину и вступать в технологическое соревнование гораздо раньше, чем это предусмотрено каноническим нормативом. Иными словами, само понятие технологической границы становится условным и распространяется на средние и мелкие государства, тогда как для особо крупных стран оно оказывается существенно пониженным из-за демографического демпфирования.

С этой точки зрения Россия оказывается опять-таки в двусмысленном положении. С одной стороны, она может получить значительные бонусы для технологического развития, если сохранит свои позиции государства-гиганта, а с другой — она рискует, наоборот, оказаться в невыгодном отношении по сравнению с другими странами-гигантами, если они продолжат демографическую экспансию, а она — нет. Это дополнительный аргумент в пользу проактивного сценария развития.

Заключение

Ускорение демографических различий между странами в последние десятилетия привели к радикальному переформатированию геополитического пространства планеты, которое будет продолжаться еще не менее трех десятилетий. Произошедшие изменения уже кардинально изменили международные позиции России и изменят их еще больше к середине века. Это геополитический вызов для страны со стороны глобальных демографических сдвигов. В этой ситуации перед Россией возникает довольно драматичная дилемма: либо осуществить сверхусилия по запуску демографической экспансии, довести за численность населения 30–50 лет до 290–300 млн человек и за счет этого сохранить и упрочить свои геополитические позиции, либо смириться с установившимся режимом демографической депрессии и оказаться сдвинутой с привилегированной позиции на международном Олимпе в разряд обычных стран. Это одновременно и угроза, и новые возможности.

Возникшая ситуация для России имеет явное своеобразие в части наличия у нее свободы выбора — страна может отказаться от борьбы за достойное место на мировой арене и ограничиться ролью регионального лидера, а может не просто принять участие в глобальной конкуренции, но и победить в ней и существенно укрепить свои позиции. Например, у европейских стран такого выбора уже нет, что выражается в возникновении феномена «Закат Европы 2.0», когда государства указанного субконтинента уже ничего не могут сделать для сохранения своего места в мировой политике и осуществляют фатальный дрейф в сторону попадания в разряд стран полупериферии и даже периферии.

Вместе с тем наличие у России подобных шансов ставит перед ней новые и весьма масштабные задачи, готовность к решению которых пока не очевидна. Фактически для того, чтобы успешно вписаться в новый мировой порядок России необходимо переходить к одной из моделей мобилизационной экономики, без чего необходимые изменения просто невозможны. Отказ России от борьбы будет означать, что на мировом рынке уже через 30 лет у нее будут конкуренты в лице «молодых» стран, ставших в последнее время демографическими гигантами. Согласно проведенным прогнозам, Россия может скатиться с нынешнего 9-го на 15-е место международного демографического рейтинга. И эти новоявленные «молодые» гиганты — Мексика, Филиппины, Эфиопия, Египет, Конго и Танзания — быстро превратятся в экономических и технологических лидеров будущего мира.

Обнаруженный авторами технологический макропарадокс, согласно которому крупные страны, даже не выйдя на современные макроэкономические технологические стандарты, способны превращаться в технологически развитые державы, подчеркивает серьезность вызова перед Россией. Новые страны-гиганты будут агрессивно конкурировать со странами центра мирохозяйственной системы, в том числе с Российской Федерацией. Расчеты с использованием понятия технологического паритета и демографического мультипликатора доказывают, что нынешние и будущие страны-гиганты будут навязывать России жесткую технологическую конкуренцию, выдержать которую без достойного демографического ресурса нельзя.

Россия сильно опаздывает в реализации своей демографической программы. Отчасти это вызвано тем, что на протяжении долгого времени в научном и политическом дискурсе доминировал примат технологического потенциала над демографическим фактором развития, а также примат производственных технологий над природными ресурсами. Эта логика поддерживалась опытом предыдущих трех столетий, когда небольшие европейские страны в силу своего технологического лидерства были способны подчинять огромные и слаборазвитые государства, а также присваивать и эксплуатировать их природные ресурсы. Похоже, что время ма-

лых государств снова уходит, грядет время многополярного мира на базе новых стран-гигантов. И России предстоит вписаться этот новый мир.

Список литературы

Балацкий, Е., & Екимова, Н. (2025). Закат Европы 2.0 в контексте глобальных демографических рокировок. *Terra Economicus*, 23(3). [В печати].

Балацкий, Е., & Екимова, Н. (2023). Перспективы демографической экспансии России: экономика, институты, культура. *Terra Economicus*, 21(2), 23–37. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-2-23-37>.

Гоголюхина, М. Е., & Чирская, К. Н. (2024). Экономическое развитие стран Глобального Юга и их роль в мировой экономике. *KANT*, 2(51), 63–70. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2024-51.12>.

Екимова, Н. (2025). Моделирование демографического роста в России: факторы, механизмы, резервы. *Journal of Applied Economic Research*, 24(2), 386–414.

Зинькина, Ю. В., & Коротаев, А. В. (2017). *Социально-демографическое развитие стран Тропической Африки*. М.: URSS, 272 с.

Коротаев, А. В., Малков, С. Ю., & Мусиева, Дж. (2022). К оптимизации глобальных демографических процессов. *История и современность*, 4(46), 81–103. <https://doi.org/10.30884/iis/2022.04.05>.

Рудакова, Е. К. (2020). Демографические процессы в Европе: динамика и причины депопуляции. *Власть*, 28(1), 227–234. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7466>.

Скляр, А. Я. (2023). Математическая модель динамики роста населения Земли. *Modern Economy Success*, 1, 159–169.

Толкачев, С. А. (2024). Американо-китайское соперничество на рынке солнечной энергии США. *Мировая экономика и мировые финансы*, 3(4), 5–13. <https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0290>.

Ясинский, С. А. (2024). Моделирование роста народонаселения Земли для прогнозирования экономики труда государства. *Экономика труда*, 11(7), 983–1000. <https://doi.org/10.18334/et.11.7.121302>.

Alam, S. A., & Pörtner, C. C. (2018). Income shocks, contraceptive use, and timing of fertility. *Journal of Development Economics*, 131, 96–103. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2017.10.007>.

Balatsky, E. (2021). Identification of the Technology Frontier. *Foresight and STI Governance*, 15(3), 23–34. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.3.23.34>.

Balatsky, E. V., & Ekimova, N. A. (2023). Identifying regional foci of potential geopolitical activity on the basis of demographic scale effect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 138–154. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.8>.

Bloom, D. E., & Kotschy, R. (2023). Population aging and economic growth: from demographic dividend to demographic drag? *NBER Working Paper No. 31585*, 51 p. <https://doi.org/10.3386/w31585>.

Bogdanov, K. V., Frumkin, B. E., & Kobrinskaya, I. Ya. (2024). A Race for the Global South or a Battle for the World Majority: Russia's Prospects. *Russia in Global Affairs*, 22(4), 64–81. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-4-64-81>.

Caldwell, J. C., Caldwell, B. K., Caldwell, P., McDonald, P. F., & Schindlmayr, T. (2006). *Demographic Transition Theory*. Dordrecht: Springer. 412 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-4498-4>.

Congressional Budget Office (2025). The Demographic Outlook: 2025 to 2055. <https://www.cbo.gov/system/files/2025-01/60875-demographic-outlook.pdf>.

Cruz, M., & Ahmed, S.A. (2018). On the impact of demographic change on economic growth and poverty. *World Development*, 105, 95–106. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.12.018>.

Dzhioev, A., & Caberty, N. (2021). Analysis of the birth rate and mortality of the population of Russia in 2019–2021. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*, 28(4), 44–51. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2021-28-4-44-51>.

Gallego, F., & Lafortune, J. (2023). Baby commodity booms? The impact of commodity shocks on fertility decisions and outcomes. *Journal of Population Economics*, 36, 295–320. <https://doi.org/10.1007/s00148-021-00855-0>.

Hofmann, M. (2023). The future of international migration: what we know about the drivers that shape long-term migration trends and require policy responses. https://www.icmpd.org/file/download/61799/file/2023-11-30_Perspective_Nov_EN_pages.pdf.

Korotayev, A., Malkov, A., & Khaltourina, D. (2006). *Introduction to Social Macrodynamics: Compact Macromodels of the World System Growth*. Moscow: KomKniga/URSS, 128 p.

Kumar, S., Shaw, P. K., Abdel-Aty, A.-H., & Mahmoud, E. E. (2020). A numerical study on fractional differential equation with population growth model. *Numerical Methods for Partial Differential Equations*, 40(1), art. e22684. <http://dx.doi.org/10.1002/num.22684>.

Lutz, W., Butz, W. P., & KC, S. (eds). (2014). *World Population and Human Capital in the Twenty-First Century*. Oxford, England: Oxford University Press. 704 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198703167.001.0001>.

Lutz, W., Goujon, A., KC, S., Stonawski, M., & Stilianakis N. (eds.). (2018). *Demographic and Human Capital Scenarios for the 21st Century*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 595 p. Oxford, England: Oxford University Press. 704 p. <https://doi.org/10.2760/41776>.

Maitra, B., & Ganguli, D. (2025). Impact of fertility decline, gender, and social development on economic growth in India. *Journal of Social and Economic Development*, 27, 450–471. <https://doi.org/10.1007/s40847-024-00345-5>.

Nath, S. K. (2020). Demographic Transition and Economic Growth. *Solid State Technology*, 63(5), 3142–3148.

Office for National Statistics (2025). Population estimates for the UK, England, Wales, Scotland and Northern Ireland: mid-2023. <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/populationestimates/bulletins/annualmidyearpopulationestimates/mid2023>.

Popov, V.V. (2025). *Why China Used to Lag Behind the West, but Is Now Overtaking It*. Moscow: Fortis Press, 392 p.

PwC. (2017). The long view: how will the global economic order change by 2050? <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-the-world-in-2050-full-report-feb-2017.pdf>.

Țarcă, V., Țarcă, E., & Luca, F.-A. (2022). The Impact of the Main Negative Socio-Economic Factors on Female Fertility. *Healthcare*, 10(4), 734. <https://doi.org/10.3390/healthcare10040734>.

Thomas, R. K. (2024). *World Population Trends*. In: *Demography: An Introduction to Population Studies*. Springer Texts in Social Sciences. London: Springer Cham, 235–249. https://doi.org/10.1007/978-3-031-56623-3_12.

UN DESA. (2024). World Population Prospects 2024: Summary of Results. <https://desapublications.un.org/publications/world-population-prospects-2024-summary-results>.

UNCTAD. (2025). World Investment Report 2024. <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024>.

Vollset, S. E., Goren, E., Yuan, Ch.-W., Cao, J., Smith, A., Hsiao, Th., Bisignano, C., Azhar, G., Castro, E., Chalek, J., Dolgert, A., Frank, T., Fukutaki, K., Hay, S., Lozano, R., Mokdad, A., Nandakumar, V., Pierce, M., Pletcher, M., Robalik, T., Steuben, K., Wunrow, H. Y., Zlavog, B., & Murray, Ch. (2020). Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study. *The Lancet*, 396(10258), 1285–1306. [http://dx.doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30677-2](http://dx.doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2).

Wanassi, O. K., & Torres, D. F. M. (2023). An integral boundary fractional model to the world population growth. *Chaos, Solitons & Fractals*, 168, art. 113151. <https://doi.org/10.1016/j.chaos.2023.113151>.

WBG. (2025). DataBank: World Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>.

References

Balatsky, E., & Ekimova, N. (2025). Decline of Europe 2.0 in Context of Global Demographic Reshuffling. *Terra Economicus*, 23(3). [In print].

Balatsky, E., & Ekimova, N. (2023). Prospects for Russia's demographic expansion: Economics, institutions, and culture. *Terra Economicus*, 21(2), 23–37. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-2-23-37>

Ekimova, N. (2025). Modeling Demographic Growth in Russia: Factors, Mechanisms, Reserves. *Journal of Applied Economic Research*, 24(2), 386–414. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2025.24.2.013>

Gogolukhina, M. E., & Chirskaya, K. N. (2024). Economic Development of the Global South and Their Role in the World Economy. *KANT*, 2(51), 63–70. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2024-51.12>

Korotayev, A. V., Malkov, S. Y., & Musieva, J. (2022). Towards the Optimisation of Global Demographic Processes. *Istoriya i sovremennost'*, 4(46), 81–103. <https://doi.org/10.30884/iis/2022.04.05>

Rudakova, E. K. (2020). Demographic Processes in Europe: Dynamics and Reasons for Depopulation. *The Authority*, 28(1), 227–234. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7466>

Skiyar, A. Ya. (2023). Mathematical Model of the Dynamics of the Earth's Population Growth. *Modern Economy Success*, 1, 159–169.

Tolkachev, S. A. (2024). U. S. -China rivalry in the U. S. solar market. *World Economy and World Finance*, 3(4), 5–13. <https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0290>

Yasinskiy, S. A. (2024). Modeling the Growth of the Earth's Population to Predict the Labor Economy of the State. *Russian Journal of Labor Economics*, 11(7), 983–1000. <https://doi.org/10.18334/et.11.7.121302>

Zinkina, Y. V., & Korotaev, A. V. (2017). *Sotsialno-demograficheskoe razvitiye stran Tropicheskoy Afriki*. Moscow: URSS. 272 p.